

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 342:329.1/.6:004

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-3-37-44>

EDN: OBNXPXK

Цифровая трансформация политических партий в России: организационные практики и правовые ограничения

А.В. Махова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 av.mahova@mail.ru

Аннотация

Введение. Цифровые технологии изменяют не только способы политической коммуникации, но и организационные и процедурные формы деятельности политических партий. Расширение практики дистанционного электронного голосования, применение цифрового сбора подписей, электронного предварительного голосования, создание партийных платформ и сервисов на основе искусственного интеллекта обостряет вопросы прозрачности цифровых процедур, защиты персональных данных, кибербезопасности и равенства политического участия. Научная проблема состоит в том, что действующая модель правового регулирования статуса политических партий в России в значительной степени основана на территориально-организационной логике, что порождает несоответствие между юридической конструкцией партийного института и фактическим развитием цифровых форм его деятельности. Цель исследования – выявить основные направления цифровой трансформации российских политических партий, оценить ее правовые и организационные последствия и предложить подходы к совершенствованию правового регулирования их деятельности.

Материалы и методы. Исследование опирается на анализ законодательства о политических партиях, выборах и защите персональных данных, а также на эмпирические данные об их цифровой активности. Применены формально-юридический, системный, исторический методы, контент-анализ и правовое моделирование для разработки риск-ориентированной модели регулирования.

Результаты исследования. Установлено, что цифровая трансформация партий развивается на трех взаимосвязанных уровнях: процедурном, организационном и коммуникационно-политическом. Показано, что цифровизация не только расширяет формы участия сторонников партий вне формального членства, переносит отдельные партийные функции на платформы, но и формирует новые риски, связанные с проверяемостью цифровых процедур, автоматизированным отбором, обработкой данных и синтетическим контентом. Обосновано, что единый набор требований для всех цифровых практик недостаточен: объем гарантий должен зависеть от юридической значимости процедуры и возможных последствий технологической ошибки.

Обсуждение и заключение. По результатам проведенного исследования предлагается риск-ориентированный подход к регулированию партийных цифровых практик. Объем правовых гарантий должен зависеть от возможных последствий использования цифровой процедуры, обеспечивать наличие доступной офлайн-альтернативы, прозрачность автоматизированной обработки, независимый аудит, эффективные механизмы контроля и обжалования. Теоретическая значимость исследования состоит в разграничении уровней цифровой трансформации партий; практическая – в возможности использовать предложенную модель при совершенствовании законодательства и внутрипартийного регулирования.

Ключевые слова: политические партии, цифровизация, платформизация, дистанционное электронное голосование, искусственный интеллект, персональные данные, избирательное право

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Махова А.В. Цифровая трансформация политических партий в России: организационные практики и правовые ограничения. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(3):37–44. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-3-37-44>

Original Theoretical Research

Digital Transformation of Political Parties in Russia: Organisational Activities and Legal Restrictions

Anna V. Makhova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 av.makhova@mail.ru

Abstract

Introduction. Digital technologies are transforming not only the methods of political communication but also the organisational and procedural forms of activity carried out by the political parties. Expansion of remote electronic voting practices, implementation of digital form of signature collection, electronic preliminary voting, as well as creation of party platforms and services based on the artificial intelligence technologies emphasize the relevance of the issues of transparency of digital procedures, personal data protection, cybersecurity, and equality of political participation. The scientific problem set forth in the study refers to the existing model of legal regulation of political party status in Russia, which is mainly based on the territorial and organisational principle and, therefore, creates non-conformity of the party institution juridical construct to the actually developing digital forms of its activity. The aim of the study is to reveal the main trends in digital transformation of political parties in Russia, assess legal and organisational consequences of this process, and propose approaches to improving legal regulation of party activities.

Materials and Methods. The study is based on the analysis of the laws regulating political party activities, elections, and personal data protection, as well as empirical data on digital activity of political parties. Dogmatic legal, system analysis, historical and content analysis methods were used to conduct the study, as well as legal modeling approach to developing a risk-based regulatory model.

Results. It has been established that digital transformation of the parties evolves at three interconnected levels: procedural, organisational, and communication-political. It has been shown that digitalization not only expands the scope of the forms of participation for party supporters having no formal membership, and transfers certain party functions to e-platforms, but also causes new risks arising from the verifiability of digital procedures, automated data selection and processing, and creation of synthetic content. Having a single set of requirements for all digital activities has been proved to be insufficient: the scope of guarantees should depend on the legal significance of a procedure and potential consequences of a technical error.

Discussion and Conclusion. Based on the results of the study, a risk-based approach to regulation of digital activities of a political party has been proposed. The scope of legal guarantees should depend on the scope of potential consequences of using digital procedures, and ensure the availability of accessible offline alternative, transparency of automated processing, independent audit, and efficient monitoring and appeal mechanisms. The theoretical significance of the study lies in differentiation of the levels of political party digital transformation, whereas practical significance – in the possibility of using the proposed model for improving the legislation and internal party regulation.

Keywords: political parties, digitalization, platformization, remote electronic voting, artificial intelligence, personal data, suffrage

Acknowledgements. The author is grateful to the peer-reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions on improving thereof, which has contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Makhova AV. Digital Transformation of Political Parties in Russia: Organisational Activities and Legal Restrictions. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(3):37–44. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-3-37-44>

Введение. В современной России политические партии, являясь ключевым институтом представительной демократии, активно адаптируются к новым реалиям. Цифровые технологии используются не только для информационной коммуникации с гражданами, но и внедряются в организационно значимые процедуры. Однако наблюдается растущее противоречие между тенденцией к платформизации партийной деятельности и жесткой территориально-организационной логикой Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических

партиях»¹: наличие руководящих органов и региональных отделений не менее чем в половине субъектов РФ, фиксированное членство, традиционные формы внутрипартийного взаимодействия и т. д. Несмотря на актуальность темы, исследования эволюции правового статуса партий в условиях цифровизации политического пространства остаются фрагментарными. Одни ученые констатируют кризис традиционных политических партий, выражающийся в падении институционального доверия [1]; другие фокусируются на перспективах возникновения цифровых партий [2]. При этом ряд исследователей справедливо отмечает, что в России пока отсутствуют предпосылки для создания полноценных цифровых партий, попытки их создания малоэффективны, однако интеграция цифровых инструментов в деятельность существующих структур уже приобрела системный характер [3, 4]. В частности, И.М. Виноградова трактует цифровизацию как фактор перераспределения внутрипартийных ресурсов, предлагая разграничивать цифровизацию функций традиционных организаций и появление принципиально новых цифровых партий [5]. Р.В. Парма связывает эту трансформацию с персонализацией политического участия, размытием границ между членом и сторонником, а также переходом к «связующему действию» на базе цифровых платформ [6, с. 125].

В настоящем исследовании цифровизация политической партии рассматривается прежде всего как изменение способов реализации партийных функций, а не как автоматическое возникновение нового юридического типа политической организации. Рабочая гипотеза состоит в том, что цифровизация, не отменяя базовой законодательно закреплённой юридической конструкции партии, существенно модифицирует ее функциональную архитектуру. Это, в свою очередь, требует систематизации и дифференциации правовых гарантий в зависимости от юридической значимости конкретной цифровой процедуры.

Цель исследования – выявить основные направления цифровой трансформации российских политических партий, оценить ее правовые и организационные последствия и предложить подходы к совершенствованию правового регулирования их деятельности. Для достижения цели необходимо: определить содержание основных направлений цифровизации партийной деятельности; проанализировать правовые риски цифровых процедур; установить особенности платформизации партийной деятельности и применения искусственного интеллекта; предложить модель дифференцированных правовых гарантий.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили нормативные правовые акты, регулирующие деятельность политических партий и цифровые процессы (Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»², Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»³ и др.), а также данные о практической деятельности политических партий в цифровой среде.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, исторический и логический методы, а также элементы контент-анализа и метод правового моделирования. Формально-юридический метод применялся для анализа содержания норм указанных законов. Исторический метод позволил проследить переход от простого информационного присутствия политических партий в интернет-пространстве к использованию цифровых технологий в юридически и организационно значимых процедурах. Системный метод использовался для выявления взаимосвязей между процедурной, организационной и коммуникационно-политической цифровизацией. Элементы контент-анализа применялись в ходе сопоставления нормативных требований и практической деятельности политических партий в цифровой среде. Метод правового моделирования был использован для формулирования риск-ориентированной модели регулирования, в которой объем гарантий зависит от характера юридических последствий цифровой процедуры.

Результаты исследования. Устойчивое присутствие российских партий в цифровой среде стало формироваться с конца 1990-х гг.: первые сайты появились, в частности, у партии «Яблоко» (1996 г.) и КПРФ (1997 г.). К выборам в Государственную Думу Федерального Собрания РФ третьего созыва в 1999 г. интернет-представительства имели практически все крупные партии и движения, что позволяло им напрямую доносить информацию до избирателей, минуя традиционные СМИ. Однако в целом в начале 2000-х гг. интернет еще не был массовым каналом политической коммуникации, поэтому эффективность партийных сайтов часто ограничивалась небольшой аудиторией.

¹ О политических партиях. Федеральный закон № 95-ФЗ от 11.07.2001. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071991&ysclid=mtbueclzkc712738215> (дата обращения: 05.08.2026).

² Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Федеральный закон № 67-ФЗ 12.06.2002. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076507&ysclid=mtbd0353ce74294754> (дата обращения: 05.08.2026).

³ О персональных данных. Федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108261&ysclid=mtbe9t4bss353495940> (дата обращения: 05.08.2026).

Конституционная реформа 2020 г. открыла новый этап в функционировании системы публичной власти и укреплении роли гражданского общества. Были расширены полномочия Государственной Думы и парламентских партий, выстроена более четкая нормативная модель взаимодействия государства, политических партий и гражданского общества. Цифровые ресурсы к этому времени стали использоваться для формирования имиджа партий и их лидеров, критики политических оппонентов, организации диалога с избирателями. Некоторые партии применяли сайты для мониторинга избирательных процессов. Так, например, КПРФ использовала ресурс fairgame.ru для сбора данных с избирательных участков. По мере расширения информатизации и цифровизации партии начали осваивать более сложные формы онлайн-присутствия.

Существенным фактором цифровой трансформации партийной деятельности стало нормативное закрепление и последующее расширение практики дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ⁴ закрепил понятие ДЭГ и соответствующие механизмы его применения, что не только расширило способы участия граждан в выборах, но и потребовало от партий адаптации коммуникационных и агитационных стратегий и практик. В частности, одним из факторов, влияющих на определение приоритетов партий, может быть сегментирование электората на голосующих онлайн и голосующих на избирательных участках. Проблематика электронного и дистанционного голосования нашла достаточно широкое отражение в юридических исследованиях: в частности, Л.Г. Берлявский, А.В. Махова [7], Е.И. Колюшин [8] оценивали влияние цифровизации на реализацию избирательных прав граждан и гарантии демократических процедур; А.О. Гаджиева [9], В.И. Федоров [10] анализировали технологические риски; А.А. Ларичев, В.А. Ржановский [11], А.Р. Акчурин [12] рассматривали соответствие таких форм волеизъявления конституционным принципам.

В 2020 г. в соответствии со ст. 37 Федерального закона № 67-ФЗ политическим партиям и кандидатам была также предоставлена возможность сбора подписей избирателей в поддержку своего выдвижения с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (ЕПГУ). Его порядок установлен постановлением ЦИК России от 04.06.2020 № 251/1852-7. Для партий это означало возможность сокращения бумажной и «полевой» работы, перераспределения ресурсов. В настоящее время практическое применение данного механизма ограничено региональным уровнем: сбор подписей с использованием ЕПГУ допускается на выборах в органы государственной власти субъекта РФ, если это установлено законом соответствующего субъекта; количество таких подписей не может превышать половины числа подписей, необходимого для регистрации. На федеральных выборах аналогичная норма не установлена, ее введение ЦИК РФ связывает с необходимостью накопления и анализа регионального опыта. Но потенциально этот механизм также способен существенно изменить характер партийной организационной работы.

Параллельно с введением электронного голосования партии стали осваивать цифровые инструменты для мониторинга процесса голосования, работы с данными и взаимодействия с избирателями. Например, в Москве мониторинг ДЭГ осуществлялся в рамках деятельности Общественного штаба наблюдения. В его работе участвовали представители политических партий, следившие за ходом голосования в режиме онлайн.

Цифровые процедуры оказали влияние и на внутрипартийные процессы. Одним из наиболее заметных направлений внутрипартийной цифровизации стало электронное предварительное голосование при отборе кандидатов. Партия «Единая Россия» уже в 2020 г. применила электронное голосование на праймериз. При его организации использовались элементы технологии блокчейн, идентификация пользователей через портал «Госуслуги». В мае 2026 г. партия продолжила практику электронного предварительного голосования, что указывает на ее институционализацию. Тем не менее к числу проблемных аспектов относятся: определение объема внутрипартийного регулирования процедуры, обеспечение возможности независимой проверки программного обеспечения, прозрачность подсчета и юридическое значение результатов предварительного голосования для последующих решений уполномоченных партийных органов. Актуальность сохраняет и проблема цифрового неравенства – из политического участия могут исключаться отдельные демографические и социальные группы с низким уровнем доступа к цифровым технологиям, что способно снизить репрезентативность результатов отбора кандидатов.

Цифровизация затронула и кадровую политику партий, включая рекрутирование кандидатов. Такие проекты, как «Справедливый кандидат» (проект московского регионального отделения политической партии «Справедливая Россия – За правду»), «ПолитСтарт» (кадровый проект Всероссийской политической партии «Единая Россия») и «ЛДПР. Старт» (открытый конкурс ЛДПР), можно рассматривать как новые форматы партийного кадрового рекрутирования, сочетающие конкурсные процедуры, публичное позиционирование и цифровые меха-

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон № 154-ФЗ от 23.05.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005230002?index=2&rangeSize=1&ysclid=mtbec15yop789622258> (дата обращения: 05.08.2026).

низмы коммуникации. Цифровые кадровые проекты расширяют спектр форм взаимодействия с партией, не связанных с формальным членством, включая участие в образовательных программах, волонтерских инициативах и конкурсном отборе кандидатов. Вместе с тем при использовании цифровых рейтингов и автоматизированной оценки возникают риски непрозрачности отбора, поэтому необходимы опубликованные критерии, раскрытие роли автоматизированной оценки и обоснованность итоговых решений.

Значительная часть межпартийной конкуренции переместилась в социальные сети и мессенджеры. Формируются и новые метрики значимости деятельности политической партии в цифровой среде: охват аудитории, число реакций и комментариев, распространение публикаций, эффективность таргетированной рекламы [13]. Численность подписчиков и пользовательские реакции не эквивалентны электоральной поддержке: они отражают прежде всего вовлеченность в цифровое взаимодействие, но не готовность к голосованию за соответствующую партию. Тем не менее в российской практике существуют примеры того, как цифровая коммуникационная стратегия может выступать одним из факторов электорального результата. В частности, партия «Новые люди» в ходе выборов депутатов Государственной Думы в 2021 г. активно использовала интернет-коммуникации, преодолев в итоге 5-процентный барьер на выборах. Таким образом, цифровая инфраструктура может частично компенсировать новому политическому актору отсутствие сложившейся членской сети.

Еще одним значимым направлением является платформизация и создание партиями собственных цифровых экосистем. В частности, примером консультативной платформизации может служить проект партии «Новые люди», в рамках которого в 2022 г. муниципальным депутатам предлагалось обсуждать с жителями на платформе мессенджера Telegram вопросы повестки и ориентироваться на результаты электронных опросов в рамках проекта «Москва: город – это люди». Партии КППФ и «Единая Россия» создали собственные приложения («КППФ ID», «Up.PRO», «Наблюдатель ЕР», «Агитатор ЕР»), которые также формируют цифровую инфраструктуру для взаимодействия с избирателями и партийными активистами [14]. Собственная платформа объединяет новости, обучение, обращения и наблюдение, но в то же время может приводить к накоплению данных, позволяющих прямо или косвенно судить о политических взглядах пользователей. Такие сведения относятся к специальным категориям персональных данных и требуют учета ограничений ст. 10 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», поскольку их утечка способна причинить имущественный, репутационный или профессиональный вред. Партиям необходимо обеспечивать соблюдение установленных требований к обработке и защите персональных данных, а при выявлении дополнительных рисков вводить организационные и технические гарантии, включая минимизацию данных, разграничение прав доступа, установление сроков хранения и удаления, журналирование действий администраторов и регулярный аудит защищенности.

Возникают и принципиально новые цифровые формы политического представительства: цифровые аватары, голограммы и иные партийные сервисы, основанные на технологиях искусственного интеллекта (например, нейросети «Жириновский» (ЛДПР) и «Нейрополиттехнолог» («Справедливая Россия – За правду»)). Такие интерактивные форматы могут способствовать повышению вовлеченности в соцсетях и на молодежных площадках, позволяют кандидатам с небольшим опытом получить базовые рекомендации по ведению кампании, составлению программы, работе с обращениями. К рискам нейросетевой коммуникации относят репутационные потери из-за ошибок ИИ, алгоритмическое искажение информационной повестки, зависимость от качества и безопасности больших данных [15].

Современные форматы цифрового контента (короткие видеоролики, нативные интеграции, автоматизированные коммуникационные агенты (боты), персонализированные сообщения и т. п.) размывают границу между информированием и агитацией. В целях обеспечения прозрачности избирательного процесса целесообразным представляется создание механизма учета (специализированного реестра) ЦИК РФ цифровой агитации, позволяющего систематизировать сведения об оплаченных и массово распространяемых агитационных материалах, объемах финансовых затрат, а также параметрах таргетирования (при обязательном исключении персональных данных пользователей).

Одним из направлений правового регулирования синтетического контента является установление специальных ограничений на его использование [16]. Применительно к предвыборной агитации российское законодательство в 2026 г. пошло преимущественно по пути запрета отдельных форм такого контента, а не его обязательной маркировки. В частности, Федеральным законом от 02.05.2026 № 130-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»: в агитации запрещено использование образа или голоса человека (включая вымышленного или умершего), сгенерированных с применением информационных технологий, за исключением прямо предусмотренных законом случаев. Допускается использование образа и голоса выдвинутого кандидата, а также иного совершен-

нолетнего гражданина Российской Федерации, но только при наличии их письменного согласия и при соблюдении установленных законодательством ограничений. Новелла направлена на минимизацию рисков использования несанкционированных синтетических изображений и голосов в предвыборной агитации. Вместе с тем, она имеет ряд пробелов: не устанавливает обязательной маркировки для легально созданного цифрового контента, не регулирует генерацию текста без имитации внешности, не затрагивает вопросы применения ИИ для микро-таргетинга, а также не обязывает сохранять исходные версии агитационных материалов.

Таким образом, политические партии сформировали достаточно широкий цифровой контур, который включает в себя процессы рекрутирования, обучения, предварительного голосования, мобилизации и производства контента. Проведенный анализ позволяет предложить трехуровневую модель цифровой трансформации партий:

- 1) процедурный уровень – цифровизация юридически и организационно значимых процедур (предварительное голосование, сбор подписей, наблюдение);
- 2) организационный уровень – платформенные механизмы рекрутирования, обучения и взаимодействия членов и сторонников партии;
- 3) коммуникационно-политический уровень – цифровая агитация, таргетирование и применение генеративных технологий.

Такая классификация позволяет соотнести каждый уровень с соответствующими правовыми рисками и необходимым объемом гарантий. На процедурном уровне приоритетны проверяемость результатов, кибербезопасность, возможность контроля и обжалования; на организационном – защита персональных данных, прозрачность отбора и мотивированность решений; на коммуникационно-политическом – регулирование синтетического контента, ограничения алгоритмического воздействия и обеспечение ответственности за использование генеративных технологий. Научное значение предложенной модели состоит в том, что она позволяет перейти от общих рассуждений о «цифровизации партий» к оценке конкретных цифровых практик по характеру их юридических последствий. Это обеспечивает возможность выстраивать регулирование не вокруг используемой технологии как таковой, а исходя из степени риска для прав участников политического процесса.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование подтвердило рабочую гипотезу: цифровизация политических партий перераспределяет функции между территориальными структурами и платформами, расширяет участие сторонников вне формального членства, создает новые механизмы обработки данных и автоматизированные процедуры принятия решений. Действующее законодательство пока не формирует самостоятельного юридического типа «цифровой партии», однако технологии уже существенно модифицируют функциональную архитектуру партийного института. Регулирование таких практик носит межотраслевой характер и распределено между избирательным законодательством, нормами о партиях, персональных данных и информации. Ключевая проблема заключается не в множественности источников, а в отсутствии единообразных сквозных гарантий для процедур, реализуемых в цифровой среде.

Для цифровых процедур, способных влиять на выдвижение кандидатов, реализацию избирательных прав или обработку данных о политических предпочтениях, целесообразно установить дифференцированные требования, соразмерные уровню риска: обязательное сохранение офлайн-альтернативы, публикацию правил автоматизированной обработки, журналирование юридически значимых действий, независимый аудит безопасности и проверяемости результатов, минимизацию сроков хранения данных и понятную процедуру обжалования. Такой подход связывает объем гарантий не с фактом применения технологии, а с возможными последствиями ее ошибки, непрозрачности или неправомерного использования.

Практическая значимость предложенного подхода состоит в возможности использовать его при совершенствовании законодательства о политических партиях и выборах, а также при разработке внутрипартийных актов, регулирующих цифровые процедуры. Перспективным направлением дальнейших исследований является выработка критериев юридической значимости цифровой партийной процедуры и минимального набора обязательных гарантий для каждого из трех выделенных уровней трансформации.

Список литературы / References

1. Шапошникова Е.А. Политические партии нового типа как основа сохранения партийной системы Российской Федерации. *Власть*. 2026;34(1):43–51. <https://doi.org/10.31171/vlast.v34i1.8012>
Shaposhnikova EA. New Type Political Parties as a Basis for Preserving the Party System of the Russian Federation. *Vlast (The Authority)*. 2026;34(1):43–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v34i1.8012>
2. Серавин А.И. Политические партии и доверие в условиях цифровизации политической коммуникации. *П.О.И.С.К.* 2025;(5):40–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.30932/2072-6015-2025-112-5-40-56>
Seravin AI. Political Parties and Trust in the Context of Digitalization of Political Communication. *P.O.I.S.K.* 2025;(5):40–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.30932/2072-6015-2025-112-5-40-56>

3. Долгих Ф.И. Цифровые политические партии – зарубежный опыт и возможности его реализации в России. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2021;(4):56–60. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2021-4-56-60>
- Dolgikh FI. Digital Political Parties – Foreign Experience and Opportunities for Its Implementation in Russia. *State Power and Local Self-Government (Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie)*. 2021;(4):56–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2021-4-56-60>
4. Ежов Д.А. Цифровые технологии в партийном строительстве: опыт современной России. *Власть*. 2025;33(2):111–114. <https://doi.org/10.31171/vlast.v33i2.8105>
- Ezhov DA. Digital Technologies in Party Building: The Experience of Modern Russia. *Vlast*. 2025;33(2):111–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v33i2.8105>
5. Виноградова И.М. Эволюция партийных институтов в контексте цифровизации. *Дискурс-Пи*. 2025;22(4):131–143. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_131
- Vinogradova IM. The Evolution of Party Institutions in the Context of Digitalization. *Diskurs-Pi*. 2025;22(4):131–143. (In Russ.) https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_131
6. Парма Р.В. Тренды развития политических партий в цифровой среде коммуникаций. *Власть*. 2023;31(4):121–125. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9700>
- Parma RV. Development Trends of Political Parties in the Digital Communication Environment. *Vlast (The Authority)*. 2023;31(4):121–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9700>
7. Берлявский Л.Г., Махова А.В. Избирательные права в цифровую эпоху. *Юридическая техника*. 2021;(15):478–483.
- Berliawsky LG, Makhova AV. Voting Rights in the Digital Age. *Yuridicheskaya tekhnika (Legal Technique)*. 2021;(15):478–483. (In Russ.)
8. Колюшин Е.И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей. *Конституционное и муниципальное право*. 2020;(2):25–30. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30>
- Kolyushin EI. Legal Issues of Remote Electronic Voting. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;(2):25–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30>
9. Гаджиева А.О. Электронный список избирателей как новый элемент цифровизации избирательного процесса: правовые и организационные основы. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022;(5):44–65. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.5.44.65>
- Gadzhieva AO. Electronic Voters List as a New Element of Digitalizing Electoral Process: Legal and Organizational Basis. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022;(5):44–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.5.44.65>
10. Федоров В.И. *Электронное голосование: российский и зарубежный опыт*. Москва: Инфра-М; 2023. 237 с.
- Fedorov VI. *Electronic Voting: Russian and Foreign Experience*. Moscow: Infra-M; 2023. 237 p. (In Russ.)
11. Ларичев А.А., Ржановский В.А. Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект. *Журнал российского права*. 2022;26(9):35–52. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.093>
- Larichev AA, Rzhanovsky VA. Development of Remote Electronic Voting in Russia: Constitutional and Legal Aspect. *Journal of Russian Law*. 2022;26(9):35–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.093>
12. Акчурин А.Р. Цифровизация избирательного процесса – ключевой вектор развития института выборов в России. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2022;(3(25)):120–128.
- Akchurin AR. Digitalization of the Electoral Process is a Key Vector in the Development of the Institution of Elections in Russia. *Grazhdanin. Vyборы. Vlast*. 2022;(3(25)):120–128. (In Russ.)
13. Азаров А.А., Бродовская Е.В., Лукушин В.А. Цифровые сообщества новых политических партий в России (2020 г.). *Власть*. 2021;29(1):77–83. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7892>
- Azarov AA, Brodovskaya EV, Lukushin VA. Digital Communities of New Political Parties in Russia (2020). *Vlast (The Authority)*. 2021;29(1):77–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7892>
14. Плотников И.П., Пархитко Н.П. Мобильные приложения политических партий РФ как инструмент сетевого взаимодействия с электоратом. *Litera*. 2025;(11):171–186. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.11.76777>
- Plotnikov IP, Parkhitko NP. Mobile Applications of Political Parties in the Russian Federation as a Tool for Network Interaction with the Electorate. *Litera*. 2025;(11):171–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.11.76777>
15. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы современных социально-политических коммуникаций в условиях развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2024;20(3):474–494. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.307>

Volodenkov SV, Fedorchenko SN, Pechenkin NM. Risks, Threats and Challenges of Contemporary Socio-Political Communications under Conditions of the Artificial Intelligence and Neural Network Technologies Evolution. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2024;20(3):474–494. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.307>

16. Виноградов В.А., Кузнецова Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк». *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024;17(2):215–240. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.215.240>

Vinogradov VA, Kuznetsova DV. Foreign Experience in Legal Regulating Deepfake Technology. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024;17(2):215–240. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.215.240>

Об авторе:

Анна Васильевна Махова, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1) [SPIN-код](#), [ORCID](#), av.mahova@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Anna V. Makhova, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), av.mahova@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 07.08.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 28.08.2026

Принята к публикации / Accepted 04.09.2026